АВГУСТ 1926 год № 31 ЦЕНА 15 КОП.

Рис. А. Радакова

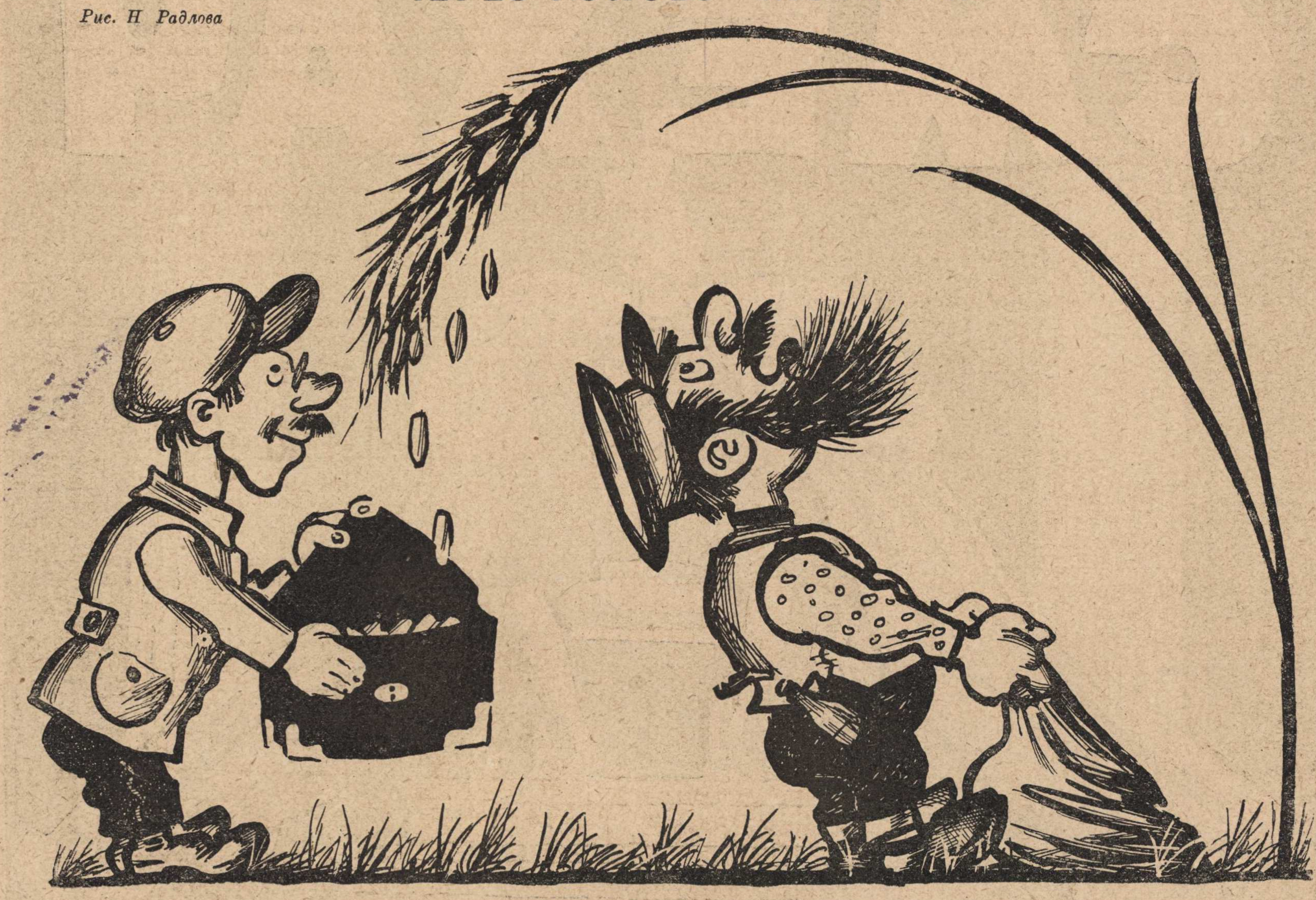
Лондон живет своей жизнью, не обращая внимания на вопрос о шахтах, между тем как за его спиной Англия кровоточит и идет к смерти.

Из речи в английском парламенте.

„КОРОЛЬ ВЕСЕЛИТСЯ“. Он думает: раз шахты бездействуют, то под него никто и не подкапывается...

ЧЕРЕЗ ГОЛОВУ ЧАСТНИКА.

Рис. Н. Радлова

Частник - хлебозаготовитель:—Эх, колос долог...
Гос - заготовитель:—Да ум короток!

ЦВЕТОЧКИ И ЯГОДКИ

В московской прессе появились статьи против оперы Р. Корсакова „Сказание о граде Китеже", которая вредно действует на слушателей, прививая им религиозный дурман.

Говоря о вредности „Китежа", рецензент изобразил только цветочки.

За цветочками следуют ягодки.

Спасибо рецензентам: заступились за нас, бедных слушателей!

Побольше бы таких—и мы легко изживем опасность, подстерегающую нас в разных операх—там, где мы и не предполагали...

Ниже я спешу поделиться с рецензентами своими переживаниями, вызванными слушанием опер.

Пусть увидят эти ужасные ягодки! Может быть, тогда они поступят еще энергичнее и с корнем вырвут все оперы, заменив их чем-нибудь—менее опасным. (Можно—лекциями о вреде курения).

* * *

Добросовестно занимаясь саморазвитием, а именно чтением популярных брошюр и посещением лекций „Есть ли бог", я, наконец, твердо решил, что бога нет и поснимал из углов иконы.

И вдруг несчастный случай толкнул меня в театр на оперу „Жидовка".

Что же я там услышал?

Я услышал среди белого вечера пропетое громким голосом следующее заявление:

„Рахиль, ты мне дана небесным провидением".

Первым моим желанием, как сознательного, было вскочить и попросить голоса для возражения по существу подобного поповского дурмана. Ибо, как известно, небесное провидение—это псевдоним бога. И как же это можно на 9-й год революции утверждать, что Рахиль дана богом, а не рождена в родильном приюте или на дому?

Но когда я уже поднял руку, кругом раздался гром рукоплесканий, из чего было ясно, что все слушатели единогласно на стороне певца.

Что мне оставалось делать, будучи в абсолютном меньшинстве? Как сознательный, я, конечно, немедленно покинул зал, не желая разлагаться, выслушивая религиозный дурман.

Вернувшись домой, я долго не мог отделаться от „небесного провидения", которое застряло в ушах. Но прочитал брошюрку „Евангелие Демьяна Бедного" и спокойно лег спать. Проспал до девяти утра, как ни в чем не бывало.

* * *

Увы,—беда не приходит одна!

Только изжил я „небесное провидение", как роковая судьба подсунула мне профбилет на „Пиковую Даму".

Первое действие, где показываются представители класса помещиков и капиталистов, а именно б. графы и б. графини, не нарушило моего равновесия. А сцена в Летнем саду—народ, бегущий от дождя и грозы—показалась даже поучительной. („Бери, мол, зонтик!").

Но когда началась сцена в казарме—с пением церковных молитв и появлением призрака старухи - графини, я покрылся кровавым потом от удара в спину идеологии.

— Как? На 9-й год революции—покойница свободно разгуливает по гостеатру под пенье молитвы? И Герман от этого безобразия сходит с ума, вместо того чтобы усмехнуться и сказать: „Ерунда! Знаем эти поповские штучки!". Странно!

Домой я вернулся, как в тумане. Схватился за „Евангелие Демьяна", подкрепил брошюркой „Безбожника", но напрасно: призрак продолжал стоять в глазах, а молитва—в ушах. Я почувствовал, что еще одна такая опера—и разложусь.

* * *

Не прошло и недели, как я, несчастный, опять сидел в опере. Называется она „Садко".

Подумаите, какого только дурмана нет в „Садко"!

Например, плывут лебеди—и на 9-й год революции у всех на глазах оборачиваются девушками-русалками.

Из глубины моря появляется — кто бы вы думали?—морской царь! На 9-й год—и вдруг на свободе такой морской царёк, акула империализма!

Наконец, показано подводное царство, где удобно венчаются вокруг ракитова куста, без всяких формальных записей в ЗАГС'е.

И тут же вдруг появляется старчище и поет на мотив „Святителю отче Николае, моли бога о нас"... Разве не соблазн?

И все это на 9-й год!

Я в тот вечер не удержался: начал разлагаться.

* * *

С тех пор разложение пошло быстрым темпом. Чем чаще я бывал в опере—тем скорее разлагался.

В „Демоне" мне доказали, как дважды-два — чорта с крыльями. В „Ночи перед Рождеством"—чорта без крыльев и настоящую ведьму, которая вылетает из трубы. Сам видел, как летела. Побожиться могу.

В „Фаусте" я убедился в заграничном чорте, который громким басом пел: „На земле весь род людской чтит один кумир священный"...

Но я уже настолько разложился, что даже и не подумал одернуть чорта и требовать оговорки для СССР.

И вот итоги: вся работа на смарку. Благодаря опере, я достиг едва ли не довоенного разложения. Где же выход?

* * *

Выход из создавшегося разложения один: или к чертям все оперы, или пусть рецензент выходит на сцену во всех опасных оперных местах и призывает граждан не поддаваться. Простым разговором или боевой песней — как хочет.

Азаат

ПРО ЧТО ГОВОРИЛ СТАРЫЙ ПЕЛЛ?

(Английская баллада)

Мутен взор и стучат виски.
Рука не идет в рукав.
Болдуин надевает носки,
Надевает, ноги задрав.

Болдуин лакея зовет,
Но лакей не идет: он спит.
Рукой холодной, как лед,
Болдуин в колокольчик звонит.

— „Что вы спите, как дьявол, Пелл?
Я звоню, звоню битый час!"
— „О, сэр! Вы бледны, как мел,
И слезы бегут из глаз".

— „Ах, Пелл! Мне приснился сон...
Пот катится с меня, как град...
Король надел пару кальсон,
Но надел застежкой назад!"

Прошло шестьдесят три весны
С той поры, как родился Пелл:
Он знал все приметы и сны,
Он их толковать умел.

И, седую нахмурив бровь,
Он ответил, в догадках быстр:
— „Министерство уходит вновь;
Завтра будет новый министр!"

И сказал Болдуин: — „Дур-р-ак!"
И в кресло угрюмо сел,
Но забыть он не мог никак
Про то, что сказал ему Пелл.

И когда Болдуин размяк
И в кресле, вздохнув, уснул,
Он видел, как тощий горняк
С короля кальсоны стянул.

Перевел с английского

Р. Волженин

СВОЙ ПОДХОД

— А, здравствуйте!

— Сами, товарищ, здравствуйте! А я лучше по бюллетеню погуляю.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Ревизия РКИ обнаружила в целевом импорте целый ряд ненормальностей: деревня получала ненужные вещи.

Рис. И. Каликина

— А мне, Сидорыч, опять не прислали пудры „Коти"!

— Что ты все с пудрой! Я без воротничков крахмалé остался — засмеют теперчи.

РЕБУС ЖИЗНИ

Не на всякой карте СССР обозначен городок Красноглуховск... Действительно, маленький городок, всего то в нем тысячи две с половиной жителей, и то добрая треть из них изолированные из центра. Но, несмотря на свою микроскопическую величину, красноглуховские передовые люди интересуются всем, всем, всем...

Однажды шопотом, с дрожью в голосе, аптекарь Миникес сообщил:

— Товарищи! Я приобрел радио-громкоговоритель... Сегодня услышу заграницу. Не то Лондон, не то Буэнос-Айрес... Волна еще не выколебалась...

„Волна... Радио... Громкоговоритель“... Эти знакомые, но, вместе с тем, такие недоступно-чужие слова далеким зычным эхом пронеслись через десять минут по Красноглуховску. Никто не спрашивал, откуда замкнутый, как облатка аспирина, аптекарь достал свой аппарат.

— Товарищи! Приходите сегодня в аптеку — я дам вам радио - концерт! — небрежно приглашал аптекарь.

— Будем, все будем! — отвечали красноглуховцы.

Взрослые и дети, секретари уисполкома и два красноглуховских нэпача, торгующих оптом тыквенными семечками, словом — весь живой инвентарь Красноглуховска собрался в тот вечер в маленькой аптеке. А Миникес, размахивая руками, говорил:

— Мир — есть шарада! Мое первое — неизвестно, мое второе — неизвестно. Но все вместе есть загадка. Культура шагает! Но шаги эти — медленные. Нужны волны... Впрочем, ша! Я чувствую приближение французской волны! Сейчас уловлю ее...

И он ушел в соседнюю комнату, заперев за собой дверь. А через мгновение красноглуховцы услышали музыку марсельезы...

— Allons enfants de la patrie...

Открылись рты у красноглуховцев, и ни одна, казалось, внешняя сила не могла их закрыть...

А через пять минут снова появился покрасневший от фурора аптекарь и сказал:

— Я нащупал Америку. С'езд русских эмигрантов в Чикаго... Они грустят о России... Они вспоминают ее в песнях... Слушайте...

И, скрывшись снова, он потряс собравшихся грустной, как тоска по родине, песней. Это был марш „Тоска по родине“. Жутко стало красноглуховцам от одного воспоминания о чужбине и радостно от сознания, что они у себя, где культура проникает в самые медвежьи уголки.

Но кончился марш, и Миникес с сожалением сказал:

— Волна вся вышла: перескочила, холера, в Москву. Сеанс окончен!

И, когда возбужденные красноглуховцы ушли, Миникес тихонько пробрался в „ателье громкоговорителя“, тщательно вытер тряпочкой две грамофонные пластинки с трещиной и далеко под кровать запрятал трубу старинного, давно потерявшего блеск граммофона...

Сделав все это, аптекарь спокойно лег на кровать, и на лице его появилось хитрое выражение человека, победившего природу, человека, разгадавшего ребус жизни, шараду мира.

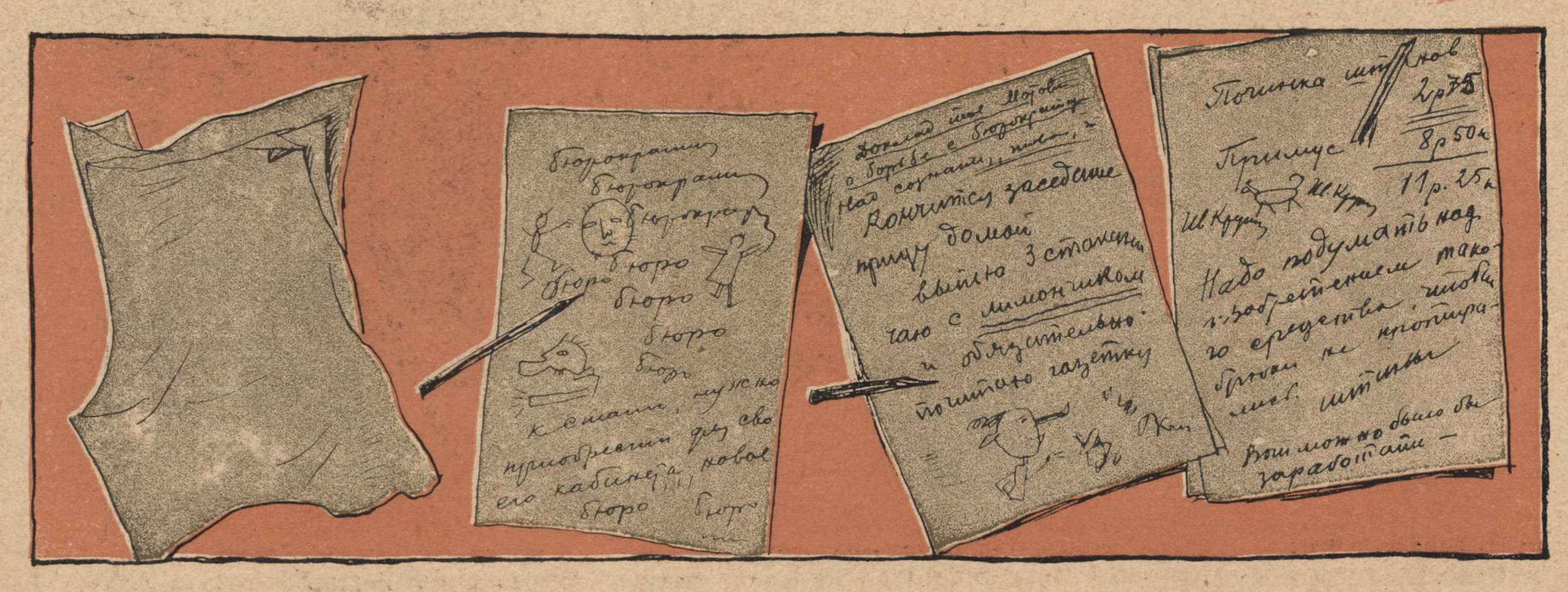
М. Коварский

ЗАСЕДАНИЕ ПО БОРЬБЕ С БЮРОКРАТИЗМОМ

Рис Б. Антоновского

ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

КАНЦЕЛЯРИЯ НА ХОДУ

Рис. В. Лебедева

— Скажите, товарищ, где тут можно взять напрокат лодку?
— Виноват, товарищ,—я служу в Моссельпроме и не имею никакого отношения к водному транспорту.

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ

Рис. Б. Антоновского

Пуанкаре вернулся к власти.

(Из телеграмм).

— А вот и я-с! Бонжур, смехачи!
— М-м-да... Вот и вы. Что скажете?
— По старому знакомству местечко бы мне уделили-с...
— Хорошо-хорошо. Зайдите в журнал номера через три...
— Что вы-с, помилуйте! Нешто можно через три номера? К тому времени меня, может, и в министрах не будет!..

ХАЛДА

Мокрида Ивановна пристально посмотрела на новых жильцов, мужа и жену, и объявила:

— Я люблю тихих.

— Мы тихие... — ответили муж и жена.

— Кухней пользоваться не позволю! — сообщила она грозно.

— Не надо, мы в столовку будем ходить.

Тогда Мокрида Ивановна подобрела:

— Самовар вам будет ставить моя Паша. Уборной можете пользоваться. В телефон говорите. Не протестую, если в это время мы чаю не пьем. На пианине играйте, только в 9 часов мы спать ложимся. Курящих не люблю, у меня и муж в форточку курит.

— Я попробую бросить курить . . . — ответил сговорчивый жилец.

— В своей комнате делайте, что хотите, только не мусорьте, а после девяти вечера не топайте, можно мягкие туфли купить, муж у меня тоже в мягких туфлях ходит.

— Мы купим, вот будет получка и купим.

Мокрида Ивановна заломила цену, поставила условием, чтобы жильцы любили ее собаку Додошку, ее дочку, похожую на мокрицу, и ее тихого мужа, похожего на загримированного молодого купчика из пьесы Островского.

Затем комнатные жильцы принялись устраиваться в комнате, расставляли стулья, развешивали картины, и все волновались, что не угодят.

— Пойди,—посылал муж,—повыспроси, любит ли она пейзажи.

— Во всяком случае, эту голую женщину ты не вешай, — убеждала жена, — может выйти неприятность.

— Мужчины всегда квартирным хозяйкам нравятся, — инструктировал муж, — главное ты постарайся, ей угодить.

— Ну и напылили! — в разгар уборки вошла Мокрида Ивановна,— батюшки, да никак вы хотите на одной кровати спать? Мы с мужем спим на разных.

— Хорошо, хорошо, — замахал на нее руками комнатный жилец,— я могу пристроиться вот тут, на диванчике.

Вечером, согласно условия, прислуга Мокриды Ивановны сунула в комнату жильцов самовар.

Жильцы бросились благодарить, просили не беспокоиться, и муж сам принес самовар от двери. Но самовар оказался уже остывшим и в нем не было воды.

— Почему-то только две чашки набежало,— робко сообщили прислуге.

— А откуда же взяться больше? Хозяева пили, я пила, да еще на клизму Сонечке сколько выцедили...

Комнатные жильцы легли спать голодные, но счастливые.

— Мишенька, — шепнула жена, высовываясь из-под одеяла, — ты уж как-нибудь последи за собой, не храпи, ты очень громко храпишь всегда, это может не понравиться.

— Я в подушку буду,— ответил Мишенька с диванчика,— ты за собой-то следи, не ворочайся...

Постепенно выяснились обязанности комнатных жильцов.

Оказывается, на звонки отпирать двери должны были они, потому что их комната ближе к прихожей, чем кухня. Муж должен был учить игре на пианино Сонечку, а жена помогать при записи грязного белья Мокриде Ивановне.

По телефону говорить удавалось редко, потому что Мокрида Ивановна пила чай постоянно. Вскоре появилась новая обязанность — водить на прогулки собачку Додошку. Собачка, гуляя, на каждом шагу поднимала заднюю ногу. Приходилось для приличия отворачиваться и рассматривать небо, купола и верхние этажи домов.

Когда Мишенька рискнул один раз отказаться, ссылаясь на неотложное дело, Мокрида Ивановна сделала нажим: вечером не появилось, как обычно, самовара.

Тогда Мишенька решил развести примус и вскипятить чайник. Но утром жильцы нашли у дверей напечатанную на пишущей машинке бумажку:

«Извещение комнатным жильцам в том, что в арендованных домах примусов жечь не полагается в виду вредности лепных потолков, к сему ответственная квартхозяйка Мокрида Русакова».

— У тебя не мелькнула какая-нибудь мысль при чтении этой бумажки?

— Мелькнула мысль, что это не хозяйка, а халда.

— Представь, какое совпадение! Мне именно это же пришло в голову!

— Но выходит, что надо опять искать комнату?

— Какой смысл? Ведь на каждую сдающуюся комнату с мебелью и без мебели существует одна Мокрида Ивановна.

— Да, но будем искать хотя без собачки!

— Знаешь, я иногда лежу в постели и думаю: а хорошо бы, если бы ее раздавило трамваем.

— Какое совпадение! — а я часто мечтаю о том, чтобы она упала с лестницы.

Мишенька выпрямился, на лице его отразились решимость и отчаяние. Он швырнул «извещение» Мокриды Ивановны в сторону и начал яростно накачивать примус.

Дм. Четвериков

СЕЗОННЫЕ БЕДСТВИЯ

Рис. Б. Малаховского

В ДЕРЕВНЕ. САРАНЧА ЛЁТНАЯ.

Началась усиленная кампания по борьбе с все растущим хулиганством в городах.

В ГОРОДЕ. САРАНЧА ПЕШАЯ.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ЦИРКУЛЯРЧИК

„Полесская Правда“ рассказывает: —

На адрес всех дорог, НКПС разослал циркуляр № ФС 100—4-284 о премировании железнодорожных агентов, ведущих борьбу с безбилетным проездом и незаконным провозом грузобагажа.

Циркуляр сей поступил и на Западные ж. д. сначала к УЦД, а последний сделал пометку: «УПК — к исполнению». Далее — он прибыл к непосредственному исполнителю в отдел сборов и проведен в жизнь. Казалось бы—все в порядке, конец.

Но, очевидно, в целях «прочной» заботы о контролерском персонале, циркуляр начал проделывать сложные маневры по Управлению между отделами.

Так: сначала его скопировал в шести экз. Администр. отдел (А) и разослал в адрес Д, К, С, Ю. Б — с точки зрения административной и борьбы с волокитой. Затем этот же циркуляр размножается Отделом Движения (Д) и рассылается в отделы: А, К, С, Ю, Б— по соображениям пассажирского движения. Через некоторое время, сей же циркуляр копируется Коммерческим Отделом (К) и рассылается тем же отделам, по чисто коммерческим соображениям.

По финансовым соображениям, финансовый отдел (Б) не замедлил с копировкой циркуляра и рассылкой его на адрес тех же отделов.

По соображениям правового характера, юридический отдел (Ю) проделал те же приемы, разослал тот же циркуляр вышеуказанным отделам, которые, в свою очередь, перепечатывали циркуляр по несколько раз.

Таким образом, предназначенный к сведению и исполнению циркуляр перепечатывается в отделах 30 раз. Впрочем, трудно сказать, закончена ли эта работа и сегодня.

Все соображения мудрая Западная жел. дорога приняла во внимание: и финансовые, и коммерче кие, и юридические... Только экономических соображений, то-бишь режима экономии, не учла.

Впрочем, еще не поздно. Можно тиснуть десяточек циркуляров и по экономическим соображениям.

А зайцы сидят под скамейками и ухмыляются в бороду...

К БОРЬБЕ С БЕШЕНСТВОМ СОБАК

Лето—пора собачьего бешенства. Вопрос об уничтожении бродячих бешеных собак становится в порядок дня. Не лишним будет порекомендовать отделам ком. хозяйства т. Скворцова. По словам пензенской „Тр. Правды“:

Сыромясский милиционер Скворцов имеет особенную страсть убивать собак.

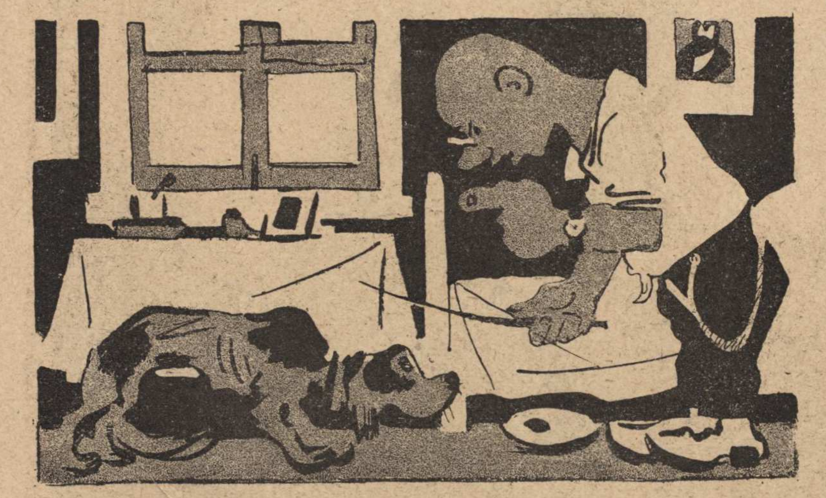
Ежедневно утром Скворцов берет двухствольное ружье и отправляется на охоту за собаками. А после обеда Скворцов запрягает чью-нибудь лошадь, берет свою жену и везет ее любоваться своей охотой.

Редкий случай—человек, который обожает, когда на него вешают собак.

Спешите, граждане, использовать ценную силу!

КСТАТИ О СОКРАЩЕНИИ ЖИЛПЛОЩАДИ

Рис. Н. Р.

— Я те покажу, собакина дочь, как вилять хвостом влево и вправо! Сказано—виляй вверх и вниз, чтобы не мешать хождению по жилплощади!

КСТАТИ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ

Домик на рессорах, рекомендуемый художником Н. Э. Радловым для наших подписчиков, проживающих в угрожаемых местностях. (Помещаем в порядке дискуссии).

ОБИДЧИВЫЙ ФЕДОРОВ

А вот что напечатано в № 93 „Красного Кургана“:

Подал крестьянин Ф. Федоров в Варгатинскую райземкомиссию заявление. Долго ждал ответа и, наконец, получил свое заявление обратно... из лавки инвалидов в виде обертки к продуктам.

Эх, Федоров, зря в газету пожаловался! Своего счастья не понимаешь: мог ведь из лавки в виде обертки и чужое заявление получить. Ну, и ходил бы до сих пор в земкомиссию наведываться — сапоги трепал бы.

А теперь, слава тебе господи, и ответ известен.

ТАМ РАЗБЕРУУТ!

20 марта в тираспольский кино-театр „Победа“ вошли четыре местных милиционера и попросили пропустить их на сеанс. Администрация дала на один сеанс два места, а двум остальным милиционерам предложила прийти на следующий сеанс.

Кажется—все по-хорошему. Но отсюда, собственно, и пошло. Вот что сообщают одесские „Известия“ в № 1900.

На второй сеанс милиционеры, действительно, пришли, но с грозным ультиматумом:

— Пожалуйте в район! *По распоряжению начмилиции, вы арестованы.*

— За что?

— Там разберут!..

И поволокли администратора и объявили его арестованным.

Сидел, правда, администратор не-долго—всего один час, но *был отпущен под расписку о невыезде...* Дело о нем ведется в милиции...

А „там“, действительно, разберут, потому что дело ведет тот самый начальник милиции, который написал требование о предоставлении места в кино второй паре милиционеров. Так фильма в Тирасполе родила подписку о невыезде... Вот что значит достижения кино-техники!

БАБКИН ФИНОТДЕЛ

Режим экономии тоже разный бывает. От другого режима окромя вреда здоровью да разорения — ничего.

В нашей Горошихе мужичок один Гаврила-Килатый от этого самого экономического режима не только богатства решился, да еще от самогона безвременную кончину принял, а бабка Федосья Хомутова, в результате, окончательно поседела и согнулась в три погибели, дарем что еще только 80 стукнуло.

В голодные годы в Горошиху нашу ездили люди для обмена.

Наезжало больше, наверно, чем в прежнее время странников в Ерусалим.

Чего только не привозили, господи! И разнообразную одёжу, и мебель, и рояли. Один поп даже крест привез, а спекулянтша какая то — письменную машинку.

И то и другое приобрел небезызвестный горошинский кулак Вавила Карпухин.

Дочка евонная, девица развратной квалификации, и посичас кавалерам письма на машинке выстукивает.

А касаемо креста Вавила говорит, что украли. А только врет, мироед несчастный!

Так вот в те времена Гаврюшка-то Килатый тоже ударился в промышленность.

Но предметами пренебрегал, а всегда на наличные.

Последний кусок рвал из глотки собственной семьи и употреблял на наличный расчет.

Себя и всех родных заморил до отказа.

Но зато имел 17 фунтов думских и $6^1/_2$ николаевских.

Только впрок эта экономия не пошла: вместе с Килатовым амбаром все $23^1/_2$фунта сгорели. То ли поджог был, то ли само от неизвестности загорелось — шут его знает!

Запил Килатый с горя. От самогону бедняга и подох.

Вот те и режим!

А с Федосьей-бабкою еще прискорбнее вышло:

Ее на николаевское серебро потянуло.

Тоже голодала, последних кур вместе с яйцами отдавала, ежели серебряную монету увидит.

И стал к ней ездить один.

Из себя вроде цыгана и глазами кос.

Он ей и полтинники, и рубли, и мелочь царскую, а она ему: крупу, муку, хлеб печеный и разную овощь.

Потом цыган пропал, а бабка клад свой на огороде зарыла.

Теперь же, как обменивали николаевское серебро, повезла бабка и свое казначейство: около пуда монет — в кооперативе вешала.

Приехала в город. И что бы вы думали? Из пуда 3 целковых да 2 полтинника оказались правильные, а остальное — фальшь, фармазоны.

Хорошо, не засадили бабку!

Посмеялись только над ней.

А смех плохой! Бабка Хомутова через эту экономию на ладан дышет.

Смешного мало!

Василий Андреев

НА ДАЧЕ

Картинка

Домик. Терраса.
Тропинка исхоженная.
Поет кто-то басом:
— Моро-о-о-о-женое!

М. Тименс

К СВЕДЕНИЮ

У слов всегда один удел,
Но в них порой нет постоянства...
Тот, кто от счастья *опьянел,*
Тот не штрафуется *за пьянство.*

К. Ванюков

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА.

Рис. Б. Малаховского

Участились жалобы граждан на бездействие милиции.

— Товарищ милиционер, не слышите, что-ли, за углом кричат: „Помогите!“
— Так это-ж не пострадавший кричит: это Сенька-шкет кличет своих на подмогу.

ТАНТАЛОВЫ МУКИ

Тантал, стоя по горло в воде, не может достать воды и, видя близ себя роскошные плоды, не может овладеть ими: как только он открывает рот, чтобы зачерпнуть воды, или поднимает руки, чтобы сорвать плод, вода утекает, и ветвь с плодами отклоняется.

(По Гомеру)

На липкой бумаге, разложенной поверх кисеи, чернеет множество мух. Они обволоклись клейкой массой, стали блестящими и неподвижными.

Несколько мух еще движутся, судорожно вытягиваясь и стараясь оторваться. Свеженькая, только что попавшая, исступленно жужжит.

Пахнет теплым хлебом.

Возле кассы стоит Ефим Дерюгин, булочник.

Пока кассирша Анна Петровна занята приемом денег и выдачей покупателю талона, Ефим Дерюгин молчит, машинально поглядывая на бумагу с мухами, но как только кассирша освобождается, он сейчас же начинает свое:

— Анна Петровна... Вот ей-богу же... Не верите? Завтра отдам... Ведь это что? Какие деньги? Рупь. Неужто рубля не дадите до завтра?!.

— Не могу, Дерюгин. Нельзя. Не приказано давать до получки.

Кассирша выравнивает стопочку гривенников. Они так заманчиво блестят перед самым носом Ефима Дерюгина.

Сбоку стоит стакан чая, а рядом на бумажке лежит несколько конфет. Кассирша берет конфету и, улыбаясь, говорит:

— Вот конфетку могу дать. Хотите?

Дерюгин отводит глаза.

— Шутите, Анна Петровна... Вот не верите, а ей-богу завтра отдам. Рубль.

Бойкая продавщица бросает шутливо из-за прилавка:

— Не допили, Ефим Карпыч? А вы потерпите до завтра. Чем завтра отдавать рубль, вы его завтра же и пропьете.

Дерюгин укоризненно смотрит на продавщицу.

— Ну, вот... Зачем это? Разве я пьян? Мне рубль вот как нужен, до зареза...

— А зачем же вам рубль?—разжевывая конфетку, спрашивает кассирша.

Вот бы сейчас указать какую-нибудь вескую убедительную причину, изложить такой неоспоримый довод, чтобы кассирша раз—и выдала деньги. И тогда—прямиком, через улицу — в пивную, где, возле опустошенных бутылок, приятель ждет подкрепления.

Что б такое придумать?

Дерюгин тяжело вздыхает и отодвигается от кассы, пропуская покупателя. Шуршат деньги, потрескивает ручка кассы, а Дерюгин поглядывает то на деньги, то на бумагу с мухами.

И вдруг его осеняет удачная мысль.

— Анна Петровна... Рупь-то этот я, как есть, потерял. Обронил из кармана. Или вытащили...

— Ах, вот что?—усмехается кассирша, складывая трешки и пятерки. Одну из них она поднимает и рассматривает на свет. У Дерюгина при этом жадно расширяются зрачки.

— Когда же это у вас вытащили, бедненький вы мой?

— Утром. Как сюда шел. Из кармана вытащили.

— Что ж вы молчали о краже утром, когда я вам давала пятнадцать копеек?

И снова отзывается из-за прилавка насмешливая продавщица:

— Жулик народ пошел! По чем зря крадет деньги—даже те, которые и в кармане не лежат.

— Ну, вот...—укоризненно мычит Дерюгин:—Я не вру... Были деньги. Рупь был.

Он косится на столик, на груду медяков, и вдохновляется.

— Рупь был. Не мой рупь. Общественный. Казенные деньги из домовой кассы... Что-ж я—должон теперь страдать по суду? Анна Петровна... вот, ей-богу, завтра отдам.

— Вы и отдайте завтра в домовую кассу.

— Ну... Как же завтра, когда надо сегодня... Сейчас надо отнесть...

— Может быть, ремонт в доме?—ехидничает продавщица.

Но Дерюгин не замечает ехидства.

— Ремонт, как есть—подхватывает он.

— И, может, рабочим платить надо?

— Рабочим платить, ей-богу. Факт. И вдруг вытащили из кармана! Анна Петровна, ей-богу, завтра отдам...

Кассирша, широко растягивая крашеные губы, зевает.

— Господи! Дерюгин, и не надоело это вам? Каждый день одна и та же канитель!

В булочную входят сразу несколько покупателей. Становятся в очередь у кассы.

Ефим Дерюгин вздыхает и терпеливо отодвигается.

Деньги, деньги... Так и мелькают перед глазами!

Нет, — лучше уж смотреть на бумагу, усеянную прилипшими мухами.

Ив. Прутков

КУСТАРИ-ОДИНОЧКИ

— А у нас в поселке здорово кустарные промыслы упали!

— Каким образом?

— Да вечером, посмотришь, никто даже лыка не вяжет!

УЧЕБНОЕ

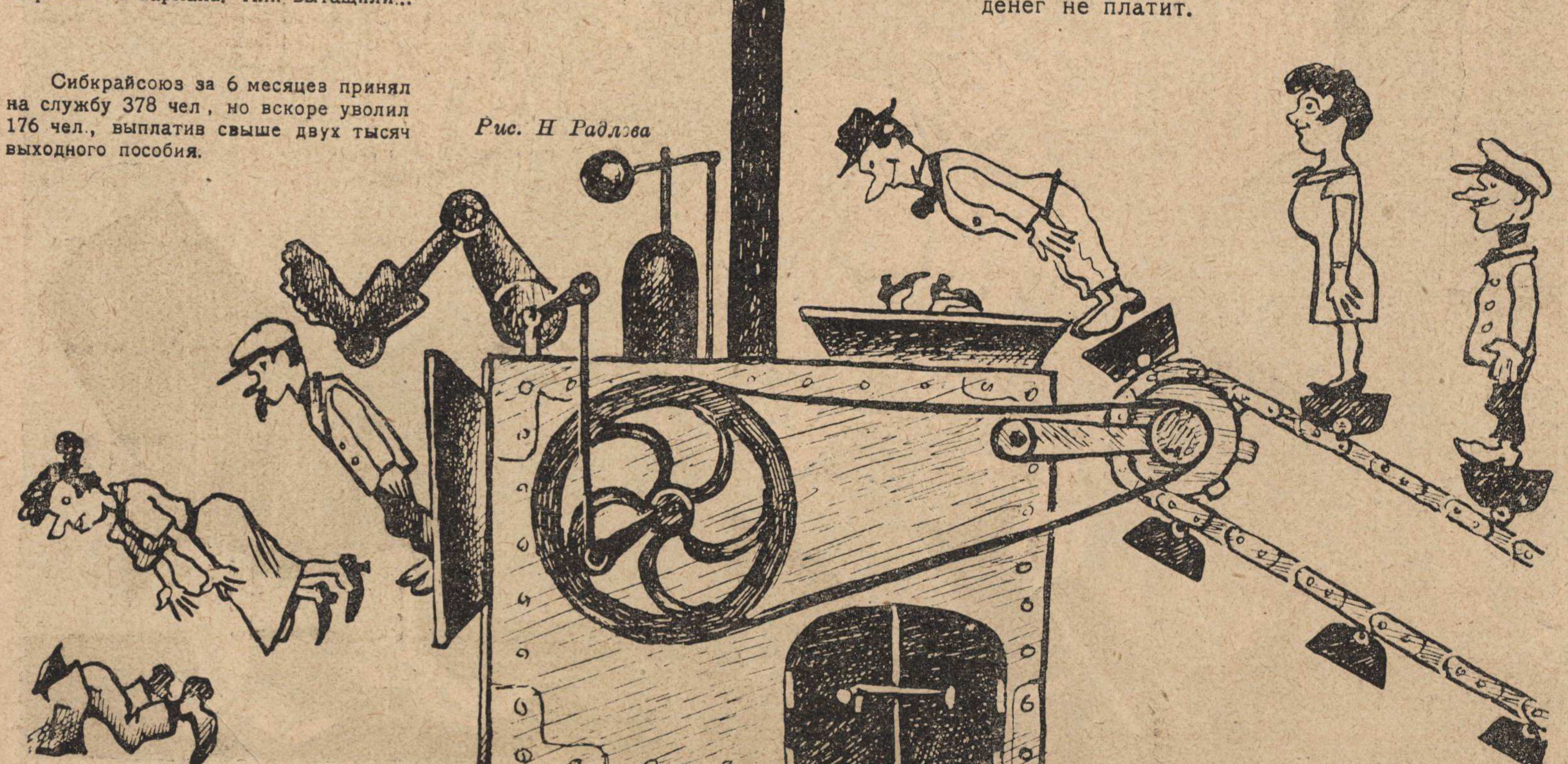
— Одолжите, голубчик Марь Степанна, два рубля до сентября месяца.

— Что-ж это вы, Марфа Никифоровна, в деньгах нуждаетесь? Ведь ваш муж, кажется, учителем служит?

— Так ведь вот то-то и О.Н.О. Который месяц денег не платит.

Сибкрайсоюз за 6 месяцев принял на службу 378 чел., но вскоре уволил 176 чел., выплатив свыше двух тысяч выходного пособия.

Рис. Н. Радлова

АППАРАТ ДЛЯ ПЕРЕГОНКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА, С ТРУБОЙ ДЛЯ ВЫХОДНОГО ПОСОБИЯ.

ДУНЬКА

Огурцы зеленые... абрикосы зрелые...
Плиты раскаленные, люди очумелые...

Любит Васька или нет,
Ну да — все равно:
Соберет ему монет
Дуня на вино.

Нынче Вася за вихры
Дуньку оттаскал:
— Не хочу курить махры,
От нее тоска.

Огурцы зеленые... абрикосы спелые!..
Взгляды устремленные, шопоты несмелые:

— Ах, и сами вы, девица,
Словно как огурчик.
Очень с вами мне хотится
Завести амурчик.

— Вы прекрасны, как бутон...
— Ишь, пристал, короста!
Знать, влюбимши и мильтон,
Что не гонит с моста.

— Скоро, скоро распродам
Все я без остатка.
Вон взяла одна мадам
Сразу полдесятка.

Все на милого растрачу,
Не жалея, не ценя,
Лишь бы... милый взял в придачу
Между прочим и меня...

— Дунька, глянь: никак твой гусь.
Эх, и пьян же Васька!..
— Ну и выпил, ну и пусть,
Но... зачем же... Таська?!

* * *

Заволок туман гулянку,
Все пред Дуней наизнанку.
В горле шопот безголосый:
Зеленые абрикосы... зеленые абрикосы...

Альми

ЯСНАЯ ЛОГИКА

Обследованием установлено, что под жилье на дорогах СССР занято 5000 пасс. груз. вагонов. Постановлено—«жильцов» выселить. («Кр. Газ.»)

Рис. Б. Антоновского

— Ах, милая Аглая Карповна! Как вы хорошо сохранились!
— А я, милая, 5 лет в вагоне-холодильнике жила!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Л. Митницкий так начинает свою статью «Красивые машины», помещенную в № 161 «Рабочей Газеты»:

> О них, о красавцах «Бенцах», «Фиатах», «Фордах» и «Мерседесах» — наши пламенные строки.

„Пламенные строки"! Это интересно. Мы поверили автору статьи и лихорадочно стали читать дальше, надеясь найти так редко встречающиеся на столбцах газет „пламенные строки"...

Но как мы ни искали,—„пламеннее" этих строк в статье Л. Митницкого мы найти не могли:

> В 1921 году в Москве числилось за государственными учреждениями 1725 легковых и грузовых машин, а в 1926 году в тех же учреждениях общее число легковых и грузовых машин уже — 2309.
>
> Эксплоатация только легковых машин обходится госучреждениям в 11.500 тыс. рублей.

Кузьма Прутков сказал: „Если на клетке слона увидишь надпись „Буйвол" — не верь глазам своим!"

„Смехач" говорит: „Если Л. Митницкий называет обыкновенные репортерские строки п л а м е н н ы м и—не верь ушам своим!"

*

Во втором сборнике „Перевал" (Изд. „Круг") читаем в стихах Вл. Жилкина:

> ...И вдруг краснею, как березка...

Всяко краснеть можно, но как березка... не слишком ли большая это поэтическая вольность?

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются.

56. Москва, Лео (Корнею). Фельетон „Одесская выставка" понравился. К вашему огорчению, он уже напечатан в „Сатириконе" (1914 г. № 20) — под названием: „Слон из Одессы" и за подписью Ив. Пруткова.

Остальных двух поэтому не читали.

Краденого не берем.

57. Батум, Кон. Щерб-ову. „Коварная планета Марс приблизилась к земле и собиралась если не помочиться на землю, то чихнуть"...

Не хорошо, Щерб-ов! Пользуясь отсутствием планеты, валите на нее, как на покойницу.

58. Урицк, Жеку. Жек предупреждает:
«Отвечайте через почтовый ящик, в выражениях можете не стесняться».

Спасибо.

Чорт вас дери, Жек, — какого чорта, в самом деле, вы шлете фельетон о введении штата контролеров на старорусском трамвае!

59. Харьков, Персифальскому. „Глотая метровые расстояния, переулком движется лицо мужской наружности... За ручку ведет на цепочке собаку".

Взяв оную собаку за ручку, отверните от нас лицо мужской наружности.

Ив Пр.

Издатель „ГУДОК". Ответственный редактор **А. С. Андрейчик.**

Ленинградский Гублит № 19654. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3570. Тираж 80.000.

КРУГОМ ШЕСТНАДЦАТЬ

Рис. А. Гадакова. Текст Евг. Деревенского

В Смоленской губ. некоторые ВИК'и не дают разрешения на брак, если один из брачущихся неграмотен. («Известия ВЦИК»)

1. Ванька Таньку полюбил.
Таньке бусы подарил.
Ванька Таньку улещает
Не фасониться.
Ванька Таньке обещает
Обзагсониться.

2 Ванька Таньку полюбил.
Ванька Таньку погубил.
Только ВИК не разрешает
Сочетания:
Танька грамоте не знает...
— Наказание!..

3. Ванька Таньке говорит:
— Погрызи, Танек, гранит!
Грамотеями быть всем
Полагается.
А меня дела, меж тем,
Дожидаются...

4. Танька учит: — „буки-аз“..
А у Ваньки визг и пляс.
Ванька с девками лузгу
Отмолачивает.
Танька грамоту в мозгу
Заколачивает.

5. — „Ты, Ванюха, шашни брось:
Я всю азбуку насквозь“!..
Танька рада без ума,
Словно спятила:
Год без-мала не дарма
Время тратила...

6. Ванька в ВИКе завопил:
— Ах! я грамоту забыл!!!

Танька азбуку об Ваньку...
Убивается...
А Ванюха обнял Маньку
Д'ухмыляется...